

УДК 811.161.1

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

© В.М.Грязнова

Статья посвящена изучению субкультуры такой особой социально-конфессиональной группы, как старообрядцы казаки-некрасовцы, которые в 1952 году вернулись из эмиграции в Россию (на Ставрополье) после двухсотпятидесятилетнего проживания на чужбине. Говор казаков-некрасовцев является островным архаическим южнорусским говором, исторически – одним из донских говоров. Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев состоит в том, что в течение двух с половиной веков проживания в Турции, в условиях инокультурного внеславянского окружения, они сохранили русский язык, культуру и обычаи. Лингвокультура казаков-некрасовцев выявляет значительное количество архетипических представлений древнерусского человека, и даже славянина, о членении, категоризации, структурировании и оценивании окружающего мира, что обусловлено их изоляцией от общенациональной русской культуры и общенационального русского языка, а также неосознанным противостоянием чуждой неславянской лингвокультуре. В фактах речевой деятельности носителей говора выявляются обращенность к языковым законам прошлых эпох и креативность языкового сознания некрасовцев, их устремленность к языковой игре.

Ключевые слова: казаки-некрасовцы, субкультура, креативность языкового сознания, древние языковые законы, приоритетность устной формы, наивная картина мира, центральный образ языковой картины мира.

Современные некрасовцы – это потомки донских казаков, участников булавинского восстания, которые под предводительством Игната Некрасова в 1708 г. покинули пределы России и ушли на Кубань. Позднее казаки переправились на лодках через Черное море в Добруджу, а в начале XIX века после долгих скитаний оказались в малоазиатских владениях Турции и поселились на берегу озера Маньяс. Здесь они основали большое селение, которое просуществовало с 20-х гг. XIX века до возвращения потомков некрасовцев в Россию (Левокумский район Ставропольского края) в середине XX века.

Опишем те черты говора казаков-некрасовцев, в которых проявляется его национально-культурная специфика. По-нашему мнению, к ним относятся следующие: 1. креативность языкового сознания некрасовцев, 2. извлечение из языковой памяти древних языковых законов, относящихся к языкам-предкам русского языка, 3. приоритетность устной формы, 4. специфичность центральной идеи и центрального образа языковой картины мира некрасовцев.

1. Креативность языкового сознания некрасовцев

1.1. Анализ материала показал, что в словообразовательной системе говора некрасовцев наблюдаются явления, которые редки даже в такой высшей форме существования языка, как литературный язык, в силу того что возникают не механически, по «привычным рельсам» существующих словообразовательных моделей, а осоз-

нанно, в результате творческой когнитивно-вербальной деятельности носителя языка. Мы выявили следующие виды подобных явлений.

1.1.1. Усиление финали слова «пустым» суффиксом, по которому данное слово ассоциируется с тем лексико-тематическим классом, к которому принадлежит и легко опознается: *хлеборобник* – «хлебороб» (от общенационального слова *хлебороб*), *дитенок* – «ребенок» (от лексемы *дитя*), *двойнята* – «близнецы» (от лексемы *двойня*), *татаренин*, *французенин* (от лексем *татарин*, *француз*) и т.п. Названная тенденция постоянно проявлялась в русском национальном языке на разных этапах его развития в различных формах. Подобная избыточность усиливает информативность слова, помогает опознавать его словообразовательное значение по его финали, вроде бы бессмысленной и ненужной. Удивительно то, что описанное явление было характерно и для говора некрасовцев, живших в изоляции от «метрополии», в инославянском окружении.

1.1.2. Явления словообразовательной языковой игры. К языковой игре относят те языковые факты, в которых проявляется свободное отношение к форме речи, обусловленное эстетическим заданием. Как правило, в устной спонтанной речи эстетическое чувство реализуется в установке на комический эффект. Языковая игра чаще всего основана на балагурстве – явлении народной смеховой культуры, когда комический эффект вызывает все необычное, перевернутое.

Так, в речи некрасовцев находим прием рифмованного эха (экспрессивного рифмованного удвоения), который заключается в следующем: какое-либо слово повторяется с изменением начального звука или звуков: *курица-мурица* (всякая домашняя птица), *птица-мница* (всякая птица), *кабаки-мабаки* (всякие овощи), *крестная-мрестная* (родня), *одежка-передешка* (одежда, смена белья), *вилюшки-кивилюшки* (разные украшения на одежде, в том числе и в виде извилины); *зелёный-милёный* (незрелый), *куклы-муклы* (всякие игрушки). Данная эхоконструкция, как и любая словообразовательная модель, обладает своим особым значением – это семантика обобщения (по данной модели образуются собирательные или родовые наименования). По наблюдениям ряда ученых прием рифмованного эха распространяется в русской речи под влиянием тюркских языков, у носителей русского языка, живущих в соседстве с тюркским населением [1: 193]. Именно к такой группе носителей русского языка относятся казаки-некрасовцы.

1.1.3. Явления аналогического словообразования (разновидность языковой игры). Способ образования слов «по образцу», очень ярко выявляющий способность носителя языка к языковому творчеству, демонстрируют ряд лексем говора: существительное *шуряк* – шуринок, образцом для словопроизводства которого послужило общенациональное слово *свояк*; лексема *близнята* – близнецы, образцом для словопроизводства которой послужило диалектное слово *двойнята*.

1.1.4. Явления метафорического словообразования (разновидность языковой игры). Метафорические номинации – одна из форм реализации творческой активности говорящих, которая строится на общем явлении контраста между способом словесного определения (наименованием) и денотатом (именуемым). В результате несоответствия между именем и денотатом ожидания говорящего нарушаются и возникает комический эффект. Явление метафорического словообразования характерно и для говора казаков-некрасовцев. Например, такова семантика лексем говора: а) *судомойница* – неряха, мотивированное лексемой *судомой* – «кто перемывает в доме посуду, кухонную и столовую» (в Сл. Даля дано без помет) [2: 620], б) *голоплешка* – женщина с непокрытой головой, мотивированное словами *голый* – «непокрытый» [3: 916] и *плешь* – «лысина от вылезших волос» [4: 333] (в Сл. Даля даны без помет).

1.1.5. Явление энантиосемии в ходе словообразования (разновидность языковой игры). Представляет собой прием наименования чего-либо

словом, имеющим иной денотативный или сигнификативный смысл, как правило, со сниженной окраской. Экспрессивность создается контрастом между денотатом и наименованием. Энантиосемия характерна для значения лексем *толкушка*, *толкуша* (бестолковый, непонятливый человек) в сопоставлении со значением их мотивирующего слова *толковать* (объяснять): мотивирующее слово *толковать* обладает значением «объяснять», а мотивированные слова *толкушка*, *толкуша* включают в свою семантику антонимичный семантический компонент – «тот, кому невозможно объяснить».

2. Извлечение из языковой памяти древних языковых законов, относящихся к языкам-предкам русского языка

Покажем языковые факты в говоре, которые демонстрируют его архаичность, обращенность к прошлым языковым эпохам.

2.1. Лексемы-реликты говора, например, а) слово *буйлова* (буйволица), которое является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно краткого притяжательного прилагательного с суффиксом -ов-; б) существительное *мелка* (мелкое место в озере у берега, где поят скот) является реликтом древней системы имени прилагательного, а именно краткого качественного прилагательного в функции определения; в) существительные *мати*, *свекры*, форма которых (имеется в виду именительный падеж единственного числа) является доунификационной, архаичной.

2.2. Эпизодическая реализация в фонетическом облике слова говора казаков-некрасовцев фонетических законов, не функционирующих в русском языке уже в древнерусский период, а также ушедших в прошлое фонетических неприятий и предпочтений также демонстрируют архаичность говора. Так, фонетическая ассимиляция, характерная для существительного *пратукалина* (апельсин), имеющего в качестве мотивирующего слова турецкую лексему *portukal*, (модель S + формант -ин(а) с модификационным значением «один предмет, выделенный из совокупности предметов»), произошла в соответствии с давно не действующим ни в говорах русского языка, ни в его литературной разновидности фонетическим законом открытого слога под влиянием аналогии. В ходе этого процесса произошло открытие закрытого слога (*por*) путем перестановки плавного [r] и гласного [o], а также удлинения гласного [o] в [a]. В результате закрытый слог (*por*) превратился в открытый слог (*пра*). Произшедшая фонетическая ассимиляция полностью соответствует закону монофтонгизации дифтонгических сочетаний гласных с плав-

ными г, l (его южнославянскому виду), действовавшему в праславянском языке и закончившемуся уже в нашу эру в отдельных, самостоятельных славянских языках, в том числе и в древнерусском. В этом факте аналогии мы видим давление системы языка, конечно же, системы национального языка, память о которой сохранилась в языковом сознании носителя говора, что показывает нам еще раз неразрывную связь исследуемого «островного» говора с языком-метрополией. Кроме того, в этом факте мы видим неосознанное противостояние носителя говора казаков-некрасовцев чуждой (инославянской) фонетической системе.

2.3. В процессе словообразования лексемы говора *муравлик* (муравей) под влиянием аналогии появился звук L-эпентетикум, который возникал в различных диалектах праславянского языка в соответствии с законом йотовой палатализации. Этот эффект аналогического словообразования также демонстрирует сохранность в языковом сознании носителя говора древнейших черт языка предков восточных славян.

2.4. Специфика фонетической ассимиляции присуща и такому слову говора, как *софра* (большая жестяная сковорода, используемая и в качестве блюда), возникшему на базе турецкого слова *sofra* – «обеденный стол». В ходе фонетической ассимиляции произошла замена звука [f] на звук [п]. Подобное неприятие звука [f] было характерно для славянина, жившего в ранний праславянский период (сравни греческое *faros* – «полотно» и русское *парус*). В более поздний период в донских говорах, к которым принадлежит и говор казаков-некрасовцев, звук [ф] заменялся в заимствованиях на звук [х] или на звуко-сочетание [кв]. Замена турецкого звука [f] на звук [п] в говоре некрасовцев свидетельствует о том, что в языковом сознании носителя говора казаков-некрасовцев не только имеется информация о неприятии звука [f], но и сохранилась информация о типичном способе устранения этого звука в праславянский период (в процессе ассимиляции чуждого слова).

3. Приоритетность устной формы языка

Анализ материала выявил приоритетность устной формы языка над письменной формой в говоре казаков-некрасовцев.

3.1. В ряде фактов мы имеем свидетельства того, что образование мотивированного слова в говоре происходит именно от звучащей формы мотивирующей лексемы, а не от написанной. Это происходит в том случае, когда звучание и написание мотивирующей лексемы в силу произошедших фонетических процессов различаются, и во внешнем облике мотивирующего слова отра-

жается фонема в ее сильной позиции, а не звук, её представляющий. Таковы существительные а) *воточка* – «ласк. к водка» [5: 46]; б) *вотица* – «фольклорное, водка» (оба слова имеют в качестве мотивирующего слова лексему общенационального языка *водка* в его устной разновидности *вотка*, отражающей ассимиляцию по глухости) [5: 46]; *лоточка* – «так некрасовцы называют свои рыбацкие лодки, которые отличались от турецких небольшими размерами» [5: 136] (от мотивирующего слова общенационального языка *лодка* в его устной разновидности *лотка*, отражающей ассимиляцию по глухости); *свясочка* – «ласк. к свяска» [5: 259] (от мотивирующей диалектной лексемы *свяска* – «дон. повязка: узко сложенный по данным платочек, которым молодые казачки повязывают по колпачку [2: 92], в её устной разновидности *свяска*, отражающей ассимиляцию по глухости); *арापенин* – «араб» [5: 26] (от мотивирующего слова общенационального языка *араб* в его устной разновидности *аран*, отражающей процесс оглушения звонкого согласного на конце слова). Эти факты свидетельствуют о том, что образование новых слов в говоре происходит устным путем, в чем мы видим проявление различной иерархии устной и письменной форм речи в говоре некрасовцев и в общенациональном языке.

4. Специфичность языковой картины мира носителей говора

В языковой картине мира любого народа одно из центральных мест занимает выражение идеи Родины, Отчизны. В национальном русском языке основной образ Родины – это женщина-мать, основное языковое выражение – словосочетания *Родина-мать*, *Россия-матушка*, само слово *Родина* по своему происхождению и значению относится к гендерно обусловленным «феминным» лексемам. В говоре казаков-некрасовцев наблюдаем иное явление, обусловленное историческими причинами. Судьба казаков-некрасовцев была во многом определена их лидером Игнатом Некрасовым. Для них он стал и отцом (дедом), и наставником, и мифологической фигурой. Потомки казаков-некрасовцев говорят: «*Мы пошли от Игната Некрасафца*». В их говоре существует наречие *по-игнатову*, которое означает «по-старинному, так, как положено».

Кроме того, в жизни некрасовцев мужское начало было главенствующим и определяющим как общественную, так и семейную жизнь. Н.Г.Денисов отмечает: «Следует остановиться еще на одном явлении в жизни общин, которое влияет как на позитивные, так и на негативные стороны существования приходов. Это – муж-

ское начало» [6: 7]. П.Донцов, Д.Николаев пишут: «Старики выступали хранителями казачьих обычаев и традиций, и почитание стариков в казачестве было безграничным. Проявление непочтительности к старику расценивалось как предательство казачьих идеалов сурово наказывалось обществом» [7: 21].

Поэтому образ Родины для некрасовцев (а для казаков-некрасовцев Родина – это Россия) – это мужчина-дед (отец отца или матери), основное языковое выражение – слова *дед, дедовщина*. Приведем примеры из речи носителей говора: *Наши матеря бурчак ели, такую тяглу тянули, патом дал помочи наш дед, рускай. – Надоела нам у турках, найдем к сваему деду, к рускаму. – Набивай парус на лодку, паедим на дядофицину.*

В целом образы Родины как женщины-матери и как мужчины-деда восходят к одному и тому же языческому культу **Рода** восточных славян. В.В.Колесов пишет: «Достоверно известно, что у восточных славян существовал культ Рода и Земли. ... У восточных славян определенно различались поколения богов – их было три, ровно столько, сколько и одновременно живущих представителей рода» [8: 92]. Полагаем, что образ Родины как мужчины-деда в языковой картине мира казака-некрасовца не противоречит языческим представлениям восточных славян, а является одной из возможных модификаций архаичного образного представления культа **Рода** восточных славян.

Таковы общие лингвокультурологические характеристики говора казаков-некрасовцев.

1. Русская разговорная речь. – М.: Наука, 1983. – 237 с.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах – М.: издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. – Т.4 – 1619 с.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах– М.: издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. – Т.1 – 1743 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах.– М.: издательская группа «Прогресс» «Универс», 1994. –Т.3 – 1782 с.
5. *Сердюкова О.К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. – Ростов-на-Дону: издательство Ростовского университета, 2005. – 319 с.
6. *Денисов Н.Г.* Церковно-богослужebные традиции казаков-некрасовцев // Христианство и христианская культура в степном Предкавказье и на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, изд-во Ростовского университета, 2000. – 170 с.
7. *Донцов П., Николаев Д.* Западное казачество и старообрядцы. История вопроса // Казаки-некрасовцы. Сб. материалов из архивов Новокумского филиала Музея изобразительных искусств. – Ставрополь, 2009. – С. 137– 150.
8. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Добро и Зло. – СПб: издательство Санкт-петербургского университета, 2001. – 299 с.

ETHNIC-CULTURAL FEATURES OF NEKRASOV COSSACKS' VOCABULARY

V.M.Gryaznova

The article studies the subculture of a particular socio-religious group, Old Believers Nekrasov Cossacks, who returned to Russia from exile in 1952 (in Stavropol region). The dialect of Nekrasov Cossacks is the archaic southern accent, historically one of the Don dialects. Nekrasov Cossacks preserved their ethnocultural identity after two hundred and fifty years of living in Turkey, in a foreign culture of non-Slavic environment, where they kept the Russian language, culture and customs. Nekrasov Cossacks' linguoculture reveals a significant number of archetypal concepts of ancient Russians, moreover Slavs, related to division, categorization, structuring, and evaluation of the surrounding world, due to their isolation from the national Russian culture and national Russian language, and unconscious confrontation with the alien non-Slavic linguoculture. The article identifies the facts of speech activity of dialect speakers oriented to the language laws of the past and the creativity of Nekrasov Cossacks' linguistic consciousness, their craving for language games.

Key words: Nekrasov Cossacks, subculture, creativity of language consciousness, ancient language laws, priority of oral forms, naive world image, central image of the linguistic picture of the world.

1. Russkaja razgovornaja rech'. – М.: Nauka, 1983. – 237 s. (In Russian)
2. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka v chetyreh tomah – М.: izdatel'skaja gruppa «Progress» «Univers», 1994. – Т.4 – 1619 s. (In Russian)
3. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka v chetyreh tomah– М.: izdatel'skaja gruppa

- «Progress» «Univers», 1994. – Т.1 – 1743 s. (In Russian)
4. *Dal' V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo jazyka v chetyreh tomah.– M.: izdatel'skaja gruppa «Progress» «Univers», 1994. –Т.3 – 1782 s. (In Russian)
5. *Serdjukova O.K.* Slovar' govora kazakov-nekrasovcev. – Rostov-na-Donu: izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 2005. – 319 s. (In Russian)
6. *Denisov N.G.* Cerkovno-bogosluzhebnye tradicii kazakov-nekrasovcev // Hristianstvo i hristianskaja kul'tura v stepnom Predkavkaz'e i na Severnom Kavkaze. – Rostov-na-Donu, izd-vo Rostovskogo universiteta, 2000. – 170 s. (In Russian)
7. *Doncov P., Nikolaev D.* Zapadnoe kazachestvo i staroobrjadcy. Istorija voprosa // Kazaki-nekrasovcy. Sb. materialov iz arhivov Novokumskogo filiala Muzeja izobrazitel'nyh iskusstv. – Stavropol', 2009. – S. 137– 150. (In Russian)
8. *Kolesov V.V.* Drevnjaja Rus': nasledie v slove. Dobro i Zlo. – SPb: izdatel'stvo Sankt-peterburgskogo universiteta, 2001. – 299 s. (In Russian)

* * * * *

Грязнова Виолетта Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета.

355009, Россия, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.
E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Gryaznova Violetta Mikhailovna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russia.
E-mail: violetta-sgy@mail.ru

Поступила в редакцию 03.07.2014